

Литературныя замѣтки.

Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ „націоналистическая“ и охранная печать, въ отвѣтъ на одну статью Максима Горькаго о роли русскихъ журнальныхъ націоналистовъ въ еврейскихъ погромахъ, выходитъ изъ себя и растерянно бранитъ ненавистнаго ей писателя.

Кампанію открылъ съ критической шваброй въ рукахъ г. Викторъ Буренинъ въ *Новомъ Времени*, черезъ недѣлю повторившій свое нападеніе на Горькаго.

Еще черезъ недѣлю на помощь слабѣющему критику, въ рукахъ котораго критическая швабра ужъ давнымъ давно растрепалась и по тому оказалась неспособною впитать въ себя достаточное количество грязи, выступилъ „благородный другъ“ г. Буренина, его двойникъ и alter ego графъ Алексисъ Жасминовъ съ фельетономъ „Домашній театръ *Новаго Времени*“, правильнѣе бы назвать—редакціонный балаганъ газеты „Чего изволите“.

Въ это время г. Крушеванъ, истощивъ въ двухъ-трехъ фельетонахъ *Знамени* весь громадный запасъ неприличія, сталъ перепечатывать свои давнія статьи изъ *Бессарабца*, тоже направленные противъ Максима Горькаго.

Почти одновременно съ г. Буренинымъ вылетѣлъ изъ разросшагося гнѣзда *Гражданина* какой то новый птенецъ и съ карканьемъ налетѣлъ на Горькаго.

Тріо подняло нестройный шумъ, въ которомъ разноголосица по внѣшности объединилась въ лейтъ-мотивъ—ненависти къ Горькому.

„Водителемъ хора“ бѣсноватыхъ оказался „благородный другъ“ г. Буренина—графъ Алексисъ Жасминовъ.

Устроивъ „редакціонный балаганъ“, графъ на подмосткахъ его десятки разъ перекувырнулся черезъ свою голову и десятки разъ хлопнулъ самого себя пятками собственныхъ ногъ.

Увеселительная арлекинада непочтеннаго графа продлана, повидимому, съ единственною цѣлью, доказать, что сенсационныя убійства послѣдняго времени продлываются „по Горькому“.

Кстати графъ мимоходомъ даетъ понять, — чего не удалось г. Буренину, что и прародителемъ еврейскихъ погромовъ является тотъ же „оскорбитель“ г. Буренина — Максимъ Горькій.

Этой очень деликатной цѣли графъ Алексисъ Жасминовъ думаетъ достичь очень нехитрыми приемами.

Отчего, — думаетъ графъ, — не подвинуть сапожника Орлова (изъ „Супруговъ Орловыхъ“) самимъ Максимомъ Горькимъ и не приписать послѣднему того, за что ответственъ Гришка Орловъ?

И графъ подвѣиваетъ.

На подмостки „редакціоннаго балагана“ онъ выводитъ писателя Кузьму Ерофеевича Распрогорькаго и разрѣшаетъ ему вести слѣдующій діалогъ съ нѣкимъ Сидрохомъ Фруктомъ, конечно, „жидкомъ“, рифмующимъ слова „замеръ“ и „ирамеръ“.

Кузьма Распрогорькій, сидѣвшій къ публикѣ спиной, вдругъ круто поворачивается къ Фрукту.

Эй вы, еврейскій Фрукты!

Фруктъ.
Ну, и что же вамъ угодно нашъ прославленный въ вѣкахъ?

Распрогорькій.
Читали вы высокохудожественный рассказъ Максима Горькаго про сапожника Григорія Орлова?

Фруктъ.
Читалъ и просмаковалъ чуткою художественною душою все несомнительное превосходство внутреннихъ идей этого рассказа.

Распрогорькій.
А просмаковали вы тамъ то, что о жидкахъ сказано? Вотъ что тамъ сказано буква въ букву: „Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до единого“.

Снова оборачивается ко всѣмъ спиной.
Всѣ поражены. Фруктъ тоже.

Чтобы читатели не усумнились въ тождествѣ реальнаго Максима Горькаго и вымышленнаго Кузьмы Распрогорькаго, графъ влагаетъ въ уста послѣднему, въ видѣ особой примѣты, слѣдующее обращеніе къ публикѣ:

Чего на меня тащите буркалы? Чего шлепаете? Шлепали бы вотъ лучше Распрокислому: онъ высокохудожественнѣе еще меня. У него такой пессимизмъ, что тошно за поганство души человѣческой становится, съ нутра воротить.

Эту „особую примѣту“ приписали Горькому *Новости Дня* въ 1900 г., графъ, слегка измѣнивши ее, переноситъ въ паспортъ Кузьмы Распрогорькаго.

Итакъ, „благородный другъ“ г. Буренина, перекувырнувшись нѣсколько разъ на подмосткахъ новременскаго балагана, нашелъ, что Горькій хотѣлъ „раздробить всю землю или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до единого“.

Слова эти принадлежатъ „боячившему“ сапожнику Гришкѣ Орлову (М. Горькій. Сочиненія, т. II, стр. 151, изд. 1901 г.), но не Максиму Горькому.

Они же, — облеченныя въ литературную форму и сдобренныя разными соображеніями отъ разума и писанія, могутъ отлично суммировать все идейное содержаніе націоналистической журналистики.

„Благородный другъ“ г. Буренина, приписывающій Горькому желаніе „жидовъ перебить... всѣхъ до единого“, уподобляется одному находчивому любителю чужой собственности.

Этотъ „любителъ“, удирая послѣ неловкой операціи отъ преслѣдовавшей его толпы, кричалъ вмѣстѣ съ другими:

— Держи вора!

Находчивость „любителя“ искупила его неловкости: онъ спасся отъ преслѣдователей, шмыгнувъ въ первую подворотню.

Но графъ забываетъ, что „любителъ“ и журналистъ не одно и то-же: за „националистической“ журналистикой остается грозный слѣдъ, который всегда выдаетъ ее. Ни одна подворотня не спасетъ „националиста“.

Темтовичъ.